

УДК 809.1:882:840

ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКОЕ ВОСПРИЯТИЕ ФЕНОМЕНА МАССОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ США В РОССИИ

О.О. Несмелова, Ж.Г. Коновалова

Аннотация

Статья посвящена исследованию литературоведческой и критической рецепции массовой литературы США в отечественной науке на рубеже XX – XXI веков. Данное явление анализируется не только как литературный факт в конкретной национальной литературе, но и как социокультурный феномен.

Серьезное изучение феномена массовой литературы как в теоретическом аспекте, так и применительно к конкретным национальным литературам обозначилось в начале 1990-х годов. В 1991 году появилось сразу несколько значительных работ: статья В.М. Марковича «К вопросу о различении понятий «классика» и «беллетристика» [1]; коллективный труд «Лики массовой литературы США» [2]. Необходимо обратить внимание на солидность изданий: коллективный труд Института мировой литературы им. А.М. Горького, выпущенный издательством «Наука»; сборник статей в Издательстве Московского государственного университета. Все это трудно представить в советский период.

Правда, отдельные работы в области изучения конкретных национальных литератур появлялись и ранее: в 1973 году в одной из первых коллективных монографий, посвященной проблемам развития современной американской литературы, была глава, написанная молодым тогда исследователем А.С. Мулярчиком, «Массовая беллетристика США» [3]. Единственно возможный тон по отношению к данному объекту исследования был обличительным и уничижительным, но само включение данной проблемы в сферу серьезного научного исследования явилось на тот момент достаточно смелым шагом. В данной работе была даже сделана попытка жанровой классификации популярной литературы, типологического и тематического ее анализа. Но самый любопытный факт, который высвечивается сейчас, через более чем тридцатилетнюю временную дистанцию, носит скорее не литературоведческий, а социологический характер, связанный с эволюцией восприятия инонационального литературного процесса в советский период до первых постперестроечных лет. А.С. Мулярчик писал в основном о периоде 1960-х годов, затрагивая отчасти и массовую литературу «молчаливого» десятилетия 50-х годов XX века. Тогда, в 1973 году, для советского читателя впервые прозвучали такие имена, как Ж. Сьюзен («Долина кукол») и Э. Сигал («История любви»), Г. Роббинс, произведения которых как раз и хлынули, зачастую в плохих «пиратских» переводах, в Россию

во второй половине 1980-х годов и дали возможность познакомиться непосредственно с теми образцами легкого, развлекательного чтения, которое так усиленно клеймили отечественные исследователи и критики. Любопытно, что идеологический критерий отнесения данных писателей к разряду массовых в советский период был подтвержден и самым объективным – временным. Сегодня обычный читатель вряд ли помнит эти имена, им на смену пришли другие писатели, успешно заполнившие нишу популярной литературы.

В то же время идеологическое давление на литературоведение проявилось в подборе других имен. Совершенно, неожиданно особенно для сегодняшнего читателя, в разряд массовых и, соответственно, критикуемых А.С. Мулярчиком писателей попал Гор Видал, являющийся одной из крупных фигур современной литературы США. И совсем удивительно сейчас увидеть в перечне образцов массового исторического романа имя английского писателя Джона Фаулза: «И ныне одним из наиболее устойчивых видов «каминного» или (в зависимости от времени года) «гамачного» чтения американцев остается исторический роман, больше известный в качестве «костюмного»... Овеянная поэтической дымкой викторианская Англия, «старая милая родина», вставала со страниц романов Дж. Фаулза («Женщина французского лейтенанта», 1969) и Р.Ф. Делдерфилда («Бог был англичанином», 1970)» [3, с. 55]. Вероятно, главным основанием для подобных выводов стала издательская политика по отношению к этим авторам, которые не были разрешены для публикации, в то время как бесспорно массовый писатель, автор так называемых «производственных» романов, впервые опубликованных в русском переводе в начале 1970-х годов, Артур Хейли не был даже упомянут А.С. Мулярчиком¹.

Ситуация с А. Хейли заслуживает отдельного объяснения. В том же 1973 году в журнале «Вопросы литературы» была опубликована дискуссия о романе А. Хейли «Аэропорт» между известным зарубежником, главным образом специалистом по английской литературе, В.В. Ивашевой и В.Е. Ковским, занимающимся исследованиями в области современной советской литературы, с редакционным послесловием [4]. Данная публикация органично продолжила обсуждение проблем массовой литературы США, начатое в главе коллективной монографии А.С. Мулярчиком, выводя их на теоретический уровень. В.В. Ивашева была неприятно удивлена читательским ажиотажем вокруг более чем неприязнительного, по ее мнению, романа и сетовала, что такой солидный журнал, как «Иностранная литература», изменил своей литературной политике и предоставил основную площадь целых трех(!) номеров «ремесленнику» А. Хейли, вместо того чтобы воспитывать вкус советского читателя достойными произведениями прогрессивной литературы Запада. Заметка В.В. Ивашевой была наполнена публицистическими упреками в адрес редакции: «Дело не в том, что советского читателя вообще не следует знакомить с образцами беллетристики, подобными роману Хейли. Дело в реальных возможностях издания

¹ В начале 1970-х годов до русского читателя дошли в журнальном варианте сразу четыре романа А. Хейли подряд: «Аэропорт» («Иностранная литература», 1971, № 8–10); «Отель» («Сибирские огни», 1972, № 7–9); «Окончательный диагноз» («Наука и жизнь», 1973, № 4–6); «Колеса» («Наука и жизнь», 1974, № 1–6). Они вызвали настоящий читательский бум и расширили представление советского читателя о жанровой специфике массовой литературы.

современной зарубежной литературы, заставляющих иногда поступаться и вещами куда более значительными, чем «Аэропорт» или, тем более, появившийся только что в «Сибирских огнях» другой роман Хейли – «Отель»... Как много хороших книг, написанных за рубежом, еще ждут своей очереди быть опубликованными в Советском Союзе. И как много за этими книгами живых людей, для которых публикация у нас – достижение большого значения. Так чем же Артур Хейли заслужил право «пройти без очереди»? [4, с. 139].

В Ковский выступил в защиту романа и не согласился с мнением В. Ивашевой. Причем те недостатки, за которые критиковала роман В. Ивашева, у ее оппонента становятся если не достоинствами, то, по крайней мере, логичными причинами популярности «Аэропорта» А. Хейли у отечественного массового читателя. Позиция В. Ковского отличается большей взвешенностью: упрек в ремесленничестве он отвергает, так как уверенное владение автором романной техникой как раз и привлекло внимание читательской аудитории. Кроме того, он выступает в защиту самого понятия «беллетристика», считая ее отнюдь не «обманчивой», суррогатной формой творчества, а вполне объективным разделом современного литературного процесса.

Оба исследователя, являясь достаточно крупными специалистами, неизбежно выходят за рамки рецензии на уровень теоретических проблем, актуальных для советского литературоведения 70-х годов XX века. Одна из них связана с дискуссиями по поводу натурализма¹. В. Ивашева однозначно отказывала писателю-натуралисту в праве занимать достойную позицию в литературном процессе: «Хейли хочется выглядеть писателем-реалистом, хотя вся его манера писать, все его приемы выдают натуралиста. Только натуралист стал бы вводить те отнюдь не оправданные в подлинно реалистическом (и подлинно художественном) произведении технические подробности, которыми до краев переполнен роман. Впрочем, именно эти детали, возможно, и придают роману в глазах неискушенного читателя «реалистическую» убедительность, заменяя реалистические обобщения, которых в нем нет» [4, с. 133]. В. Ковский был менее категоричен и вступился за А. Хейли, но по сути дела не оспаривал точку зрения своего оппонента по вопросу о натурализме: «Литературные возможности Хейли в смысле создания человеческих образов, видимо, вообще ограничены – это возможности журналиста и репортера» [4, с. 142]. Оба критика почему-то отвергают термин «производственный роман» по отношению к творчеству этого писателя, хотя именно здесь, на наш взгляд, и содержится та специфика романного творчества А. Хейли, которая обеспечила ему популярность у читателей. При всей «массовости», «беллетристичности» его произведений они органично вписываются в одну из главных национальных традиций литературы США: синтез документального и художественного в литературном

¹ В советском литературоведении 60–80-х годов XX века натурализм воспринимался негативно, за очень редким исключением. Если еще классическая фаза натурализма конца XIX – начала XX вв. исследовалась с более или менее объективных позиций, то натуралистические традиции и тенденции в литературном процессе XX века либо игнорировались вообще, либо подвергались суровой критике (см. об этом подробнее в нашей монографии [5, с. 206–213]). Первым многоаспектным исследованием натурализма, обозначившим «прорыв» в отечественной литературоведческой науке, стала работа В.А. Миловидова 1993 г. «Натурализм: метод, поэтика, стиль», гармонично объединившая теоретическое обоснование данной эстетической системы с историко-литературным анализом натурализма в разных национальных литературах [6].

процессе. И если любовная, детективная интриги в сюжете романов А. Хейли достаточно стандартны, шаблонны, стереотипны, то именно «производственная» часть увлекает читателя. Даже весьма искушенный читатель с волнением и интересом погружается в механизм сложной жизни крупного аэропорта, отеля, автомобильной корпорации и т. д., и натуралистические приемы как раз и помогают создать иллюзию подлинности, способствуют точному, документальному воспроизведению реальности. Таким образом, мы видим, что частная дискуссия вокруг всего лишь одного романа выходит и на теоретический уровень обсуждения феномена массовой литературы.

Обращение к анализу конкретных проявлений феномена «массовости» в литературе, искусстве и культуре невозможно без выработки базовых теоретических позиций. Мысль о том, что анализ массовой литературы как теоретического и историко-литературного объекта необходим, присутствовала в трудах известнейших ученых, начиная еще с дореволюционного периода. В отечественном литературоведении неоднократно звучала мысль о том, что изучение истории литературы должно включать все художественные пласты. В.М. Маркович собрал в своей статье высказывания многих крупнейших исследователей: А.И. Белецкий писал, что «понимание литературного процесса без обращения ко всей массовой продукции невозможно»; В.М. Жирмунский считал, что «конкретная история жанра очень мало улавливается при хождении по вершинам»; В. Виноградов говорил о том, что выдающиеся художественные произведения обретают смысл только в полном историко-литературном контексте; Ю. Тынянов предупреждал об опасности превращения истории литературы в «историю генералов» (см. [1, с. 53–54]).

Терминологически понятие «массовая литература» далеко не однородно. В синонимическом ряду часто используются термины «популярная», «тривиальная» литература и определения, взятые из традиционных оппозиций: «низкая» («высокая») литература; беллетристика (классика). Термин «беллетристика» более присущ работам по русской литературе XIX века, так как английский аналог беллетристики – «fiction» – лишен того приниженного смысла, который присутствует у русского эквивалента. Скорее, он просто фиксирует художественность, наличие вымысла в произведении.

Существует несколько определений самого явления массовой литературы, которые приводит со ссылкой на весьма солидные источники Н.Г. Мельников в теоретической работе 1998 года «Массовая литература». Первое определение взято из «Оксфордского словаря литературных терминов» 1990 года и отличается негативной категоричностью: «Категория литературных произведений, относимых к маргинальной сфере общепризнанной литературы и отвергаемых как псевдолитература» (цит. по: [7, с. 6]). В этой формулировке неясным остается, кто определяет общепризнанную и маргинальную сферы литературного процесса. Второе определение принадлежит Ю.М. Лотману, который более сдержан в эмоциональных оценках и стремится подойти к данной проблеме как теоретик. С его точки зрения, к массовой литературе относятся произведения, не входящие «в официальную литературную иерархию» своего времени, которые остаются чуждыми «господствующей литературной теории эпохи» [8, с. 384]. Кроме того, Ю.М. Лотман подошел к проблеме массовой литературы с

социологической точки зрения: «Понятие массовой литературы – понятие социологическое. Оно касается не столько структуры того или иного текста, сколько его социального функционирования в общей системе текстов, составляющих данную культуру. Таким образом, понятие «массовой литературы» в первую очередь определяет отношение того или иного коллектива к определенной группе текстов. Одно и то же произведение может с одной точки зрения принадлежать массовой литературе, а с другой – таковой не являться. С текстом изменений не происходит – меняется лишь его место и функция в общей системе» [8, с. 381].

Необходимость изучения самого явления массовой литературы, таким образом, очевидна и ясна, что подтверждено авторитетом исследователей, обративших внимание на данный феномен. Но дальше возникает самая сложная проблема – проблема критерия отнесения того или иного произведения или писателя к массовой литературе. Причем эта проблема одинаково актуальна для различных периодов литературного развития и для разных национальных литератур. На примере русской литературы XIX века это можно проиллюстрировать сложностью разведения писателей по рубрикам «классика» – «беллетристика». Если в одном случае (Толстой – Боборыкин) все ясно, то, как быть с Писемским, Гаршиным, Куприным? (см. [1, с. 56])¹.

По отношению к литературе США эта проблема возникала в советском литературоведении еще в 20-30-е годы XX века. Из общего хора панегирических статей о Дж. Лондоне, воспевавших бунтаря-социалиста, чье творчество было проникнуто антикапиталистическим духом и т. п., и менее многочисленных работ об О. Генри, у которого наша критика пыталась также усмотреть прогрессивные социальные тенденции, выделилась статья С. Динамова (1929) и небольшая рецензия А.И. Старцева (1938), противоречащие общей тенденции советской критики. Появление на литературной сцене О. Генри (по С. Динамову, это «типичный художник американского мещанства») склонило чашу весов в сторону примирительного «нежного реализма». О Дж. Лондоне С. Динамов, может быть, излишне резко и даже зло писал: «Джек Лондон никогда социалистом не был, революционером не был, и все, что он писал о себе в революционных тонах, было ложью» [9, с. 137]. Скорее всего, здесь имел место опосредованный спор с критикой, которая использовала имя Джека Лондона как символ оппозиции капиталистическому режиму. Почти десятилетие спустя точка зрения С. Динамова была фактически поддержана А.И. Старцевым, который написал небольшую, но блестящую и остроумную заметку в ответ на две рецензии-статьи в «Литературном обозрении» (1937, № 16, 21), посвященные 75-летию О. Генри и очередному изданию «Хвата Белью» Дж. Лондона. В обеих статьях писателей пытались изобразить как революционеров, движущихся к социализ-

¹ Это указывает на одну еще возможную оппозицию: писатели первого и второго ряда, первого и второго «эшелона». Подобное разделение иронически было оценено и прокомментировано в классике советского кинематографа – фильме «Доживем до понедельника». Главный герой, умный и интеллигентный учитель истории, цитирует стихотворение Баратынского, а учительница литературы безуспешно пытается угадать автора цитаты, перебирая множество классических, хрестоматийных имен – Пушкин, Тютчев, Некрасов и т. д. Когда же ей называют автора, она сетует: «Ну, батенька, если Вы будете второстепенных поэтов вспоминать...». Историк на это парирует: «А его уже перевели. В первостепенные». Замечательный пример различного функционирования одного и того же текста, о чем писал Ю. Лотман в вышеупомянутой статье.

му, и А. Старцев точно и аргументированно подверг это критике [10]. Безусловно, оба критика (особенно, С. Динамов) руководствовались классовым критерием оценки творчества американских писателей, так как необходимо было точно определить, чьи классовые интересы выражает творчество писателя. Так, вывод С. Динамова о том, что Дж. Лондон был художником «рабочей аристократии», умалил и снизил значение действительно интересно намеченной проблемы восприятия творчества писателей советской аудиторией, прямо подводящей к современным дискуссиям о массовой литературе.

Данные примеры подтверждают сложность выработки единого критерия, по которому можно относить или не относить произведения к массовой литературе. На сегодняшний день, насколько можно судить по теоретической литературе и работам по американистике, определены два критерия. Первый можно назвать «временным»: если произведение сиюминутно по своему значению, принадлежит только настоящему, то оно и «умрет» вместе с ним; если произведение переживает свое время, то, следовательно, для него открывается выход в вечность. Итак, главным критерием в таком случае является разный тип отношений со временем [1, с. 56]. К сожалению, данный критерий далеко не всегда срабатывает и опять грешит субъективизмом. Не очень понятно, как следующие поколения будут судить об особенностях восприятия массовой литературы нашего времени. В качестве примера можно привести вышеупомянутую Ж. Сьюзен, которая у нас была весьма популярна в самом начале перестройки, а сейчас практически забыта. И наоборот: «Унесенные ветром» М. Митчелл, написанные в 1936 году и являющиеся классикой массовой литературы США, популярны до сих пор в самых широких слоях читательской аудитории.

Второй критерий, на наш взгляд, более существенный, можно определить как стереотипность массовой литературы, ее подвластность определенным шаблонам, клише, серийности, стандарту. Следование канону для произведений массовой литературы является практически обязательным условием, в то время как «большие» писатели чувствуют себя более свободно по отношению к различным правилам и регламентациям. В.М. Маркович пишет о разных возможных формах данного процесса: это может быть эпигонство, зависимость от уже сложившихся стереотипов, участие в «шаблонизации» литературного жанра. Даже новаторство легко и быстро подвергается тиражированию. Классика же парадоксальным образом соединяет в себе способность служить всеобщим образцом и уникальную художественную неповторимость. При этом может происходить и процесс «беллетризации» классики, сведения ее мыслей и форм к уровню общепотребительного и удобопонятного. Именно каноническое начало лежит в основе всех жанрово-тематических разновидностей массовой литературы. Обычно к ним относят детектив, шпионский роман, боевик (их можно объединить в «криминальный роман»); фэнтези; романы ужасов; любовный, дамский, сентиментальный романы. Автор может варьировать в рамках данного канона, но не должен выходить за установленные границы (см. [1, с. 57, 66; 7, с. 10–12]).

Приблизительно к такой же точке зрения приходит А.М. Зверев в своей большой вступительной главе к коллективной монографии о массовой литературе США на основе анализа большого количества произведений: «Массовая культура удовлетворяет готовое ожидание потребителя, «высокая» – так или

иначе разрушает бытующий стереотип» [2, с. 19]. И дальнейшее рассмотрение феномена «массовой литературы» США в данном научном труде выстраивается именно на этой теоретической платформе. Кроме раздела А.М. Зверева еще в двух излагаются теоретические положения массовой культуры: «Фантом или феномен? (Об иероглифах массовой культуры)»; «Индивидуум в «стране чудес» (Социальная мифология американского общества и массовая литература)».

Данная работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ и АН РТ (проект 05-04-29404а/В).

Summary

O.O. Nesmelova, Z.G. Konovalova. Critical reception of the phenomenon of the American mass literature in Russia.

The article presents the investigation of critical reception of the American mass literature in Russian science on the turn of the XX – XXI centuries. The above mentioned phenomenon is analyzed both as a literary fact of the concrete national literature and as a sociocultural phenomenon.

Литература

1. *Маркович В.М.* К вопросу о различении понятий «классика» и «беллетристика» // Классика и современность. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1991. – С. 53–67.
2. Лики массовой литературы США. – М.: Наука, 1991. – 336 с.
3. *Мулярчик А.С.* Массовая беллетристика США // Основные тенденции развития литературы США. – М.: Наука, 1973. – С. 50–67.
4. *Ивашева В.* Большая литература или обманчивая беллетристика?; *Ковский В.* Живое произведение и «шкала ценностей»; От редакции // Вопр. лит. – 1973. – № 2. – С. 129–149.
5. *Несмелова О.О.* Пути развития отечественной литературной американистики. – Казань: Книжный дом, 1998. – 257 с.
6. *Миловидов В.А.* Натурализм: метод, поэтика, стиль. – Тверь: Изд-во Тульск. ун-та, 1993. – 71 с.
7. *Мельников Н.Г.* Массовая литература // Русская словесность. – 1998. – № 5. – С. 6–18.
8. *Лотман Ю.М.* Массовая литература как историко-литературная проблема // Лотман Ю.М. Избранные статьи: в 3 т. – Таллин: Александра, 1993. – Т. 3. – С. 380–389.
9. *Динамов С.* Литература современной Америки // Народный учитель. – 1929. – № 12. – С. 132–141.
10. *Старцев А.* К вопросу об О. Генри // Интернациональная литература. – 1938. – № 2–3. – С. 351–353.

Поступила в редакцию
02.11.06

Несмелова Ольга Олеговна – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой зарубежной литературы Казанского государственного университета.

Коновалова Жанна Георгиевна – аспирант кафедры зарубежной литературы Казанского государственного университета.